

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ МОНГОЛИЯ
ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК II

БАРНАУЛ 2008

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М – 64

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук П.К. Дашковский

Редакционная коллегия
доктор исторических наук Л.Н. Ермоленко
доктор культурологи Л.С. Марсадолов
доктор исторических наук А.А. Тишкин
доктор исторических наук А.В. Харинский
доктор исторических наук С.А. Яценко
кандидат исторических наук Р.А. Кушнерик
кандидат педагогических наук Н. Цэдэв

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. – Вып. II. – 303 с.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям. Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

ISBN–978–5–93957–218–7

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/G, тема «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии») и Фонда Президента РФ (проект №МК-132.2008.6, тема «Формирование и эволюция мировоззренческих систем в контексте культурно-исторических и этнополитических аспектов развития кочевников Южной Сибири в эпоху поздней древности и раннего средневековья»)

На обложке антропоморфная личина из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, рисунок А.Л. Кунгурова)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДИСЛОВИЕ	5
I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	7
<i>А.Л. Кунгуров</i> Проблема сложения менталитета древнейших обществ Алтая	7
<i>Ю.Б. Сериков</i> Использование фрагментов керамики в культурах и ритуалах	11
<i>С. В. Сотникова</i> Опыт реконструкции Алакульских представлений о мире (по материалам могильника Ермак-IV).....	32
<i>А.А. Горячев</i> О погребальных традициях племен поздней бронзы урочища Ой-Джайляу в Чуилийских горах	44
<i>Н.И. Рыбаков</i> «Солнце-луна» в петроглифах Июсских степей.....	60
<i>П.К. Дашковский, Н.Н. Серегин</i> Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья	83
<i>Л.Н. Ермоленко</i> Об отзвуках героического эпоса в письменных памятниках, содержащих сведения о кочевых народах	101
<i>А.И. Тугутов</i> Гадание и традиционное мировоззрение монголов	115
<i>М.В. Егорочкин</i> Комплекс вооружения «Ай-Хуучин» (К вопросу исторической интерпритации эпических паноплий).....	124
<i>А.А. Курапов</i> Формирование и реализация социально-политической доктрины буддизма в отдельных национальных традициях.....	140
<i>С.А. Комиссаров</i> Соотношение мифологических систем Китая и Кореи	153

**II. ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ
И ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
РИТУАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ..... 158**

В.Е. Ларичев

Космогония и космология жречества эпохи палеометалла юга Западной Сибири (астральная теогония и протонаука в символах и образах протохрама «Сотворение Вселенной» Северной Хакасии) 158

В.Е. Ларичев, С.А. Паршиков, С.А. Прокопьева

Астрономические, календарные и религиозно-мифологические принципы размещения в пространстве гробниц раннего железного века Северной Хакасии (на примере могильного поля, опорных плит и визирных лимбов окрестностей святилища Саратовский Сундук)..... 182

Л.С. Марсадолов, Н.В. Дмитриева, В.А. Иконников

Первые палеоастрономические исследования на святилище у горы
Монастыри на Западном Алтае 207

Ю.И. Ожередов

Сакральные сооружения в сомонном центре Эрдэнэ-Бурэн
Ховдского аймака Западной Монголии 219

М.А. Дэвлет

Каменная плита 01-00 из кургана Аржан-2 в контексте петроглифов Тувы... 233

**III. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ..... 241**

Е.В. Нам

Представления о смерти в античной культурной традиции
и шаманском мировоззрении народов Сибири 241

В.М. Мендешева

Конь в традиционной культуре алтайцев..... 250

Б.Ю. Кичекова

Отражение традиционного мировоззрения алтайцев в национальной одежде. 260

Э.В. Енчинов

Правовые обычаи связанные с беременностью в традиционном
мировоззрении алтайцев..... 271

Н.К. Смагулов

Факторы панисламизма и пантюркизма в контексте проведения
большевистским правительством внешней политики и территориального
размеживания среднеазиатских государств в 1917–1924 гг..... 277

Р.В. Шиженский

Иерархическое положение волхвов в структуре русских неоязыческих
организаций 288

5. Рубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны. М., 1999.
6. Сокровенное сказание монголов. Перевод С.А.Козина / «Байкал» №6 1989, №1 1990.
7. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
8. Тугутов А.И. Птицы петроглифов и "Сокровенного сказания монголов" // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ, 2005.
9. Price S. Delphi and divination / Greek Religion and Society. Cambridge, 1985.

М.В. Егорочкин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

**КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ «АЙ-ХУУЧИН»
(К ВОПРОСУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ЭПИЧЕСКИХ ПАНОПЛИЙ)***

Военная история кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии – это не только история вооружения и тактики боя, но также история героической эпики. «Героический эпос, изобразительное и прикладное искусство ориентировано на воспитание воинского идеала» (Худяков Ю.С., 1995, с. 12), а значит, имеет непосредственное отношение к военному делу. Это подтверждается жанровой дефиницией эпоса: хакасские сказители отличают *нымах* – ‘сказка’ (ср. *аңхустардаңар нымах* – ‘сказки о животных’; при этом, *нымах* может обозначать ‘богатырскую сказку’ и даже ‘сказание’) от *алыптых нымах* – ‘сказание о богатыре’ или *чаалыг нымах* – ‘сказание о войне’ (Майногашева В.Е., 1997, с. 16–17). Более того, возникновение героического эпоса, согласно точке зрения А.И. Чудоякова, напрямую связано с военным делом, в частности с повествовательным вводом элементов вооружения (Чудояков А.И., 1995, с. 72, 161–185).

Однако тема эпических паноплий до сих пор не является достаточно разработанной. Несмотря на то, что в отечественной науке существует целый ряд фольклороведческих работ, авторы которых касаются проблематики военного дела и в том числе вопросов его исторической интерпретации (см.: Гребнев Л.В., 1960; Курбатский Г.Н., 2001; Липец Р.С., 1984; Суразаков С.С., 1985; Функ Д.А., 2005; Чудояков А.И.,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004a/G, «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии»)

1995), данные работы не носят систематического характера. Исключения составляют исторические исследования В.Я. Бутанаева «Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора)» (Бутанаев В.Я., 1981) и В.И. Соенова «Обзор вооружения и военной тактики кочевников Алтая в XIII–XVIII вв. по материалам героического эпоса» (Соенов В.И., 1994).

Причина сложившейся ситуации очевидна: проблематичен результат оружиеведческих исследований фольклора. С одной стороны, повествовательные комплексы вооружений не могут служить надежным основанием для датировки фольклорного нарратива (прежде всего по причине достаточно *низкой* динамики исторических паноплий). С другой фольклорные источники не склонны к степени детализации, необходимой для соответствующих исторических реконструкций (Худяков Ю.С., 2003а, с. 20). Тем не менее систематическое исследование эпического военного дела представляется необходимым ввиду его непосредственной связи с военной историей номадов Южной Сибири и Центральной Азии.

Цель настоящего исследования заключается в последовательном представлении комплекса вооружения хакасского эпоса «Ай-Хуучин» и его исторической интерпретации (рассматриваемый вариант записан от сказителя П.В. Курбижекова и издан в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»; ссылки на настоящее издание производятся построчно).

Известно, что наиболее значимым противопоставлением, которое полностью определяет развитие паноплии, является оппозиция /оборонительного/ vs /наступательного/ вооружения. При этом защитное вооружение, в особенности на начальных этапах его развития, более самостоятелно, в то время как наступательное сохраняет свою зависимость от промысловых орудий (это достаточно общее положение военной истории является важным при исследовании семантик эпических паноплий, так как ее компоненты зачастую предполагают скорее промысловые, нежели военные ингеренции). В свою очередь, /наступательное вооружение/ распределяется исследователями на /оружие ближнего/ и /дальнего/, или /дистанционного боя/ (В.В. Горбунов в качестве самостоятельного выделяет также раздел /оружие таранного удара/, к которому относятся *копья*, однако, по причине того, что настоящее исследование не является собственно историческим, спорные вопросы типологии, как, впрочем, и некоторые ее тонкости, оставлены за его границами); тогда как /оборонительное вооружение/ включает в себя /воинскую/ и /конскую защиты/. Таким образом, к /наступательному вооружению /ближнего боя/ относятся

мечи, палаши, сабли, копья, кинжалы, ножи, топоры, кистени; к /наступательному вооружению /дистанционного боя/: луки, стрелы (сюда же включаются *налучия* и *колчаны*), *дротики*; к /воинскому /защитному вооружению/: *панцири*, *кольчуги*, *щиты*, *шлемы*; и, наконец, к /конской /защите/ относятся *попоны* и *наголовья* (Горбунов В.В., I, с. 31; Горбунов В.В., II, с. 8; Худяков Ю.С., 1995, с. 33).

Рассмотрим комплекс вооружения «Ай-Хуучин» в соответствии с указанной типологией.

Раздел /наступательного вооружения /ближнего боя/ является менее всего представленным (причем не только в рассматриваемом тексте, но в пределах героической эпики тюрков Южной Сибири в целом). Здесь в качестве первого упоминания необходимо указать следующий фрагмент экспозиции. Страшноликая Хыс-Хан призывает народ на борьбу с ящерицами: «Ураа-ағас тудынып, / Улуғ чааға сығарзар!» – «Оружие-палки захватив, / На большую войну выходите!» (ст. 502–503). Здесь в *ураа-ағас*, которое, согласно В.Е. Майногашевой, является кызыльским диалектизмом со значением ‘оружие, подготовленное для сражения’ (ср. *ағас* ‘палка’, ‘дубинка’), по всей видимости, действительно актуализируются компоненты оружейной семантики. Однако *ағас* также предполагает материальные (*сырғай ағас* ‘сухостой’, *ағас узы* ‘верхушка дерева’, *ағас хахпазы* ‘древесная кора’ и т.д.) и промысловые, или даже подсобные ингеренции (*ағас* ‘шест для сбивания кедровых шишек’, *ур ағас* ‘укрюк’), что немаловажно при интерпретации данного вида наступательного вооружения.

К разряду эпического наступательного вооружения может быть причислена *пағыр тохпах* ‘бронзовая колотушка’, ‘бронзовая булава’. Хан-Мирген, младший брат Страшноликой Хыс-Хан, спускается в *нижний мир*. Он встречает Алып-Хусхуна, который проклинает героя. Уже в следующем эпизоде, переплыв реку Хан-Хара-суг, Хан-Мирген обращается *огромной черной собакой*, его конь издыхает, а вместо вооружения: «Тоғыс путтығ пағыр тохпағы / Мойнына палғал парған» – «Бронзовая колотушка в девять пудов / На шее его привязана» (ст. 4124–4125). Но, несмотря на превращение, герой не утрачивает навыков обращения с оружием. На это указывает мотив *расправы героя с двойником* (который здесь, необходимо отметить, представлен в инверсированной форме). «Изебі чох Хан Мирген / Пағыр тохпағын хапхан, / Адай даа полза, ондайлап, / Хаара адайды сапхан – / Аал хадағцызы хара адайды / Чалбайта хаххан Хан Мирген» – «Могучий Хан-Мирген / Бронзовую колотушку схватил, / Хоть <он> и собака, ловко / Черную собаку ударил – / Черную собаку, сторожа *аала*, / Ударом Хан-Мирген расплющил» (ст. 4174–4179).

В арсенале героини, именем которой названо сказание, в качестве оружия, безусловно относящегося к разделу */ближнего боя/*, упоминается *тобырчых* ‘плеть’. «Ала хулаттың тргізінең / Тобырчығын алған, / Оң пілекке түзірібізіп» – «Из тороков Пего-саврасого коня / Свою нагайку достала, / В правую руку взяла» (ст. 2907–2909); «Тоғыс тазын тирізінең / Тартып үрген тобырчыхнаң / Хыс Хан нигезін / Хағып соғыбысхан» – «Нагайкой, крепко сплетенной / Из шкуры кладенных девяти быков, / Хыс-Хан, свою невестку, / Бить, хлестать начала» (ст. 2916–2919); «Ит кискен чілеп кизібіскен» – «Резала <плеткой>, как мясо режут» (ст. 2936).

Помимо представленных выше компонент вооружения, которые составляют либо периферию паноплии, либо невозможны для исторической интерпретации, эпос указывает также единицы */наступательного вооружения /ближнего боя/*, непосредственно формирующие оружейный комплекс. В арсенале Ай-Хуучин имеются *копье о двух концах* и *широкий меч*: «Чир түндүгіне чит киліп, / Аттаң түзе хонған, / Азыр чыдазын суурған, / Чалбах моладың сығара тартхан, / Хара чирдің түндүгін / Алғыда кисклеп турадыр» – «К *тюдюку* (*түңцүк ~ түндүк ~ түнүк* – ‘дымоход’ юрты; *чир түндүк* – ‘отверстие, вход в нижний мир’. – М.Е.) земли подъехав, / Она спешила, / Копье, <заостренное> с двух концов, извлекла, / Широкий свой меч достала, / *Тюдюк* великой земли / Расширяя, рубит» (ст. 4462–4467). Данные виды оружия также упоминаются в заключительной битве эпоса, с той лишь разницей, что относятся они к комплексу вооружения антагонистов (Хыйга-Чичен, Чалат-Хан, Тенгиз-Хан, Алып-Хусхун): «Өдір полбин Ай Хууцынны, / Азыр чыда көп сындырғаннар, / Чатхыс полбин хыс кізіні, / Чалбах молат көп уғзалған» – «Ай-Хуучин убить не смогли, / <Хоть> много копий о двух концах сломали, / Деву уложить не смогли, / <Хоть> много широких мечей помялось» (ст. 7005–7008). Здесь требуется некоторое пояснение. Дело в том, что *азыр чыда* должно пониматься не столько как ‘обоюдное’ или ‘двуконечное копье’, но скорее как ‘копье имеющее раздвоенное, или вильчатое, перо’ (ср. *азыр агас* ‘развилистое дерево’, ‘раздвоенная на конце палка’, *азыр хамчы* ‘раздвоенный на конце бич’, а так же *азыр* в значении ‘вилы’ (Хакасско-русский словарь, 2006, с. 35–36) подобно стреле с вильчатым наконечником, который был известен кочевникам Южной Сибири и Центральной Азии). Правомерность данной интерпретации отчасти подтверждается алтайскими материалами; здесь помимо «одноконечного копья, упоминается в эпосе копье с несколькими остриями» (Соенов В.И., 1994, с. 181).

Однако исторических соответствий эпическим данным не обнаружено. Несмотря на достаточно продолжительную историю копья на территории Саян (ранние находки датируются каменной III–II вв. до н.э. и булан-кобинской 1–2-ая пол. IV вв. н.э. культурами, при этом наибольшее распространение данного вида оружия приходится на IV–XII вв. н.э., однако копья встречаются в могильниках вплоть до XV в. н.э.), логика его морфологических трансформаций выглядит совершенно иначе. Согласно заключению В.В. Горбунова, «эволюция накопечников копий у населения Алтая в III–XIV вв. н.э. шла по линии сокращения длины втулки и перехода от линзовидного пера к граненым, обладающим лучшими проникающими свойствами» (Горбунов В.В., II, с. 53).

В свою очередь, упомянутый в представленных выше фрагментах *чалбах молат* ‘широкий меч’ (*молат* ‘меч’, ‘кинжал’, но также ‘сталь’, ср. *молат осхас хатыг* ‘прочный, как сталь’, *молат хылыс* ‘булатная сабля’; вместе с тем *хылыс* может значить и ‘меч’, напр. *ікі пістіг хылыс* ‘обоюдоострый меч’ (подр. см.: Этимологический словарь тюркских языков, 2000, с. 212–214) исторически вполне конкретен. Мечи были распространены в лесостепных зонах Южной Сибири уже в VI–V вв. до н.э., причем со II в. до н.э. появляются мечи без навершия и перекрестья, и в период IV–XII вв. н.э. также получают широкое распространение (при этом сабля впервые упоминается только в древнетюркских каменных изваяниях, а их действительные находки датируются только 2-й пол. VIII в. (Горбунов В.В., II, с. 69; Худяков Ю.С., 1986, с. 156).

Раздел /наступательного вооружения /*дистанционного боя*/ намного полнее представлен в тексте. Основным оружием героя являются *лук и стрелы*. Именно с умением лучной стрельбы связан мотив *первого подвига героя*, который также входит в сюжет «Ай-Хуучин». Хан-Мирген, по просьбе старшей сестры Страшноликой Хыс-Хан, отправляется на ловлю зверя, разоряющего стада. Увидев Белесого Волка: «Саадагынаң ир чахсызы / Саазах суура тартхан, / Хурлуғынаң Хан Мирген / Ікі ух сығарған. / Сырлап иткен сыр чөмезін / Сыырсахти тут парған, / Кўрцек саппа кўр кискезін / Кискее тастап турадыр, / Саазах пазы алызыбысхан, / Иргек пазына хан тўўл турадыр. / Чарын пазы тес турған туста / Саазах саплап, ох көглебіскен» – «Достойнейшей из мужей из *саадака* / Лук вытащил, / Из колчана Хан-Мирген / Две стрелы вынул. / Стрелу со свистящим наконечником / Крепко держа, / Подобный заступу наконечник стрелы / Быстро приставил к зазубрине. / Крылья лука соединились, / К кончику большого пальца кровь прилила. / Когда крылья лопаток <богатыря> сошлись, / Лук дрогнул, стрела

зашипела» (ст. 76–778). Помимо инициального подвига героя в тексте «Ай-Хуучин», по всей вероятности, также указывается *негативная* форма первого подвига, т.е. совершенного антагонистом. Хыйан-Тенгиз-Хан, сын Тенгиз-Хан, увидел богатыря: «Тал чаацағы тарбайып, / Табылғы ағын киске тастаан. / Тузына чидіп отханда, / Тал чаацах пазы алыс турадыр, / Иргегінің пазына / Хан түүл парадырадыр, / Чалбах чарын пастары / Пірік тее паратхандағ... / Тузына читкн туста / Чаацах саплап, ох көглебіскен. / Табылғы охтың пазынаң / Чалын частабысхан, / Табылғы охтың кизінең / Түдүн тосхалабысхан» – «Выставив тальниковый лук, / Ивовую стрелу на зазубрину положил, / Когда подошло время, / Концы тальникового лука соединились, / К кончику большого пальца / Кровь прилила, / На спине крылья широких лопаток / Почти сошлись... / Когда пришло время, / Лук дрогнул, стрела загудела. / С наконечника ивовой стрелы / Вырвалось пламя, / С хвоста ивовой стрелы / Дым стал рассеиваться» (ст. 6443–4460).

Несмотря на то, что представленные фрагменты типологически равнозначны, вооружение Хан-Миргена значительно отличается от *лука и стрел* Хыйан-Тенгиз-Хана. В случае антагониста говорится не о боевом стрелковом оружии (см. фольк. *тике мүүзі, тилик чаацах* ‘гибкий (боевой) лук из рога горного барана’, *үс уйалыг чаацах* ‘трехставный (боевой) лук’, *сарыг мүүс чаацах* ‘лук с желтыми роговыми накладками’), но его игровой модели *тал чаацах* ‘тальниковый лук (детский)’ (Хакасско-русский словарь, 2006, с. 911; Бутанаев В.Я., 1981, с. 191).

Здесь нельзя не упомянуть *лук и стрелы* Ай-Хуучин, конструкция которых более всего соответствует боевому образцу /наступательного вооружения /*дальнего боя*/. «Сарыг мүүс сал чаацағы / Сарбайыбысхан турчададыр. / Күр күрцек пастыг күр кискезін / Киске тастап салған, / Сырлап иткен сыр чөмезін / Сыырсахти тут салған, / Чаацах пазы алызып, / Иргек пазына хан түүл парған... / Чаацах саплап, ох күүлебіскен» – «Лук свой из желтого рога в полоску / Нацеленный выставила. / Подобный заступу боевой наконечник <стрелы> / К зазубрине быстро приставила, / Крашенный, издающий свист наконечник, / Точно приладила, / Крылья лука соединились, / К кончику большого пальца кровь прилила... / Лук дрогнул, стрела загудела» (ст. 2440–2457). Настоящий фрагмент достаточно интересен для исторической сверки.

Как известно, на территориях Южной Сибири и Центральной Азии в периоды поздней древности (II в. до н.э. – V в. н.э.), раннего (VI–X вв.) и развитого средневековья (XIV в.) боевой лук являлся сложносоставным, то есть представлял собой конструкцию из состав-

ной деревянной кибити и костяных накладок. Оружиеведы выделяют (в соответствии с каждой из указанных эпох): *хуннский* лук, для которого характерно наличие концевых, плечевых боковых накладок, а также пары боковых и тыльной накладок для рукояти (здесь накладки выполняют скрепляющую и усиливающую функции); *тюркский* лук, на плечах которого появляются тонкие фронтальные накладки (данный вид лука был короче хуннского, а количество накладок доходило до трех); *монгольский* тип лука, с одной срединной фронтальной и фронтальными плечевыми накладками. При этом основное отличие *тюркского* и *монгольского* луков от лука *хуннского* заключается в изменении функций накладок; здесь они играют роль не усилителей, а скорее рефлекторов (в том числе это определяется также сменой способа сборки лука (см.: Кубарев Г.В., 2005, с. 84), что при уменьшении общей длины кибити сохраняло распространенность зоны поражения (Худяков Ю.С., 1997, с. 121–123).

Лук Ай-Хуучин соответствует стрелковому оружию или раннего, или развитого средневековья.

Лук хранился в налучном чехле, который подвешивался к боевому поясу (подробнее вопрос связи налучья, колчана и боевого пояса рассматривается ниже, в разделе /защитного вооружения/). При этом налучье могло быть как полным, повторяющим форму лука, который зачехлялся с предварительно снятой тетивой, так и частичным, или краеугольным, закрывающим половину лука с надетой тетивой (Горбунов В.В., II, с. 27; Худяков Ю.С., 2003б, с. 63). Вместе с тем, исследуя данные тувинской героической эпики, Л.В. Гребнев указывает на возможность ношения лука, при котором кибить располагалась за спиной, а тетива проходила по груди (Гребнев Л.В., 1960, с. 125) (ср. предписание алтайского эпоса «Маадай-Кара»: «Алтаец за спиной должен носить шестигранный лук» (Маадай-Кара, 1973, ст. 2477). Такой способ расположения действительно применялся, но только при постоянной боевой или промысловой необходимости оружия.

Прежде чем приступить к рассмотрению *стрелы*, представляется необходимым указать еще ряд эпических строк, достаточно значимых для понимания военной истории номадов.

Как известно, эпический текст ассимилирует малые жанры. Так, в сказании «Ай-Хуучин» помимо непосредственных указаний компонент вооружения встречаются образцы военных пословиц: «Улуҕ алыптың уҕы / Читі Ирлікке читкег, тіцен» – «Стрела большого богатыря, / Говорят, семи Ирликов достает» (ст. 625–626); сюда же может быть отнесен фрагмент речи Ай-Хуучин: «Көрінмес чабал айналар /

Чабал охнаң ат салғаннар» – «Невидимые *айна* / Злой стрелой его поразили» (ст. 2340–2341).

Стрела в представленных выше фрагментах обозначается, во-первых, посредством *ух* (кстати, в хакасском фольклоре существует точное различие между *niстіг ух* ‘стрела с железным наконечником’, *чыда пастыг ух* ‘стрела со срезанным наконечником’ и т.д. (подр. см.: Бутанаев В.Я., 1981, с. 192–194). Во-вторых, посредством *соган* (см. фолькл. *соха пастыг соган* ‘стрела с утолщенным наконечником’, *полбахтыг пагыр соган* ‘медная стрела с тремя наконечниками’; в тюркских языках зафиксированы также значения ‘железный наконечник стрелы’, ‘острие стрелы’ (Этимологический словарь тюркских языков, 2003, с. 277). В связи с рассматриваемым материалом здесь нельзя не упомянуть возможные параллели с енисейскими языками: 1. **soʔom* ‘стрела с тупым наконечником, томар’; 2. **saʔr₁* ‘острие’ (Старостин С.А., 1995, с. 276, 269; при этом первая параллель не вызывает сомнения в рамках современной алтаистики, проблема состоит скорее в определении вектора заимствования между общетюркским и енисейским языками см.: Дыбо А.В., 2007, с. 156–157).

Стрелы с железным наконечником встречаются в лесостепных зонах Алтая уже с IV в. до н.э. (прежде всего в памятниках каменной культуры), и в горных районах со II в. до н.э. Однако еще в военной практике хунну процесс смены бронзового оружия железным не был окончательно завершен (Худяков Ю.С., 1986, с. 38) (кстати, начало эпического текста содержит достаточно интересную датировку его событий «Чис-пағырлар табыл турған тус полған» – «Было время, когда находили куски красной меди» (ст. 2). В свою очередь, наряду с бронзовыми и железными наконечниками на территории Саян достаточно продолжительное время были распространены как выполненные из кости, так и деревянные наконечники (которые использовались на промысле пушного зверя, что характерно, например, для кокзельской культуры (Худяков Ю.С., 1986, с. 68).

Наконечник стрелы Ай-Хуучин любопытен, прежде всего, ввиду его исторической конкретности. Свистящие стрелы, достаточно распространенные уже в хуннской среде, – это стрелы, оснащенные костяными шариками с отверстиями (правда, шарики могли быть и без них, как, например, в древнетюркских стрелковых комплексах (Худяков Ю.С., 1986, с. 150). Благодаря данной насадке полет стрелы сопровождается сильным свистом, что должно дезориентировать противника. В свою очередь, эпическое сравнение с заступом дает основание считать, что упоминаемая в тексте стрела оснащена однолопастным наконечником. Данный тип наконечника уже был известен в период

«великого переселения народов», но до 2-й пол. IX–XI вв н.э. уступал трехлопастным. Однако в эпоху развитого средневековья на смену хуннскому и тюркскому луку приходит монгольский, что сопровождается повышением значимости однолопастных наконечников (вплоть до XIII в. н.э.) (Горбунов В.В., II, с. 43–45). По существу, это дает серьезные основания не только для датировки эпической стрелы, но также для уточнения конструкции лука Ай-Хуучин.

Хан-Мирген извлекает стрелы из колчана после того, как из *саа-дака* достает лук. Кочевники Южной Сибири и Центральной Азии хранили стрелы в берестяном колчане, который подвешивался на боевой пояс с противоположной стороны по отношению к налучному чехлу. Как правило, колчан располагался справа. Однако, исследуя фрагменты колчанов раннего средневековья (древнетюркские и уйгурские образцы), Ю.С. Худяков приходит к выводу, что они могли иметь как правостороннее поясное размещение, так и наспинное (в этом случае колчан, крепясь на портупее, перебрасывался через плечо) (Худяков Ю.С., 1986, с. 173). Кстати, материалы героической эпики южносибирских тюрков подтверждают возможность его наспинного расположения (см. напр., сведения алтайского сказания «Очи-Бала»: Алтайские героические сказания, 1997, ст. 305–310).

Рассматриваемый эпический текст также располагает данными относительно крепежа вооружения во время верховых передвижений героя. Хан-Мирген, отправляясь на расправу с Белесым Волком: «Тоғыс хулас суны / Хан поэраха атха килген. / Изері чох полған атахсы – / Изерлел парған турчададыр, / Адар-сабары / Алын-кизін хаста полған» – «К девятисаженному / Кроваво-рыжему коню он подошел. / Достойный конь, <давно> не седлавшийся, / Стоит <оседланный>, / Стреляющее бьющее оружие / В тороках передней, задней лук закреплено» (ст. 701–712). Несколько более детально описывается распределение оружия при первой отлучке Ай-Хуучин: «Хан Мирген абаазынан / Хада-пірге тасхар сыххан, / Ала хула атха / Ат тимі тапханнар. / Ибір чөріп, изер салғаннар, / Чүгүріп чөріп, чүген сухханнар, / Адар-сабары чахсыны / Алтын тирге тартханнар, / Кизіп, сабарын хыс кизее / Кизін тирге палғааннар» – «Вместе со старшим братом Хан-Мергеном / На улицу вышли, / Для Пего-саврасого коня, / Конское снаряжение нашли. / Обходя <коня>, седло клали, / Обегая кругом, узду надевали, / Хорошее, что режет, стреляет, / К передним торокам привязывали, / Что режет, бьет, для девы / К задним торокам привязывали» (ст. 2070–2079; данная форма распределения также указывается при сборах Алтын-Теека и Алтын-Арыг, младших брата и сестры Ай-Хуучин: ст. 5694–5698). Представленные фрагменты указывают на возможность непояс-

ного крепежа оружия, что, безусловно, должно учитываться в историческом исследовании панοπлии номадов Южной Сибири (см.: Бутанав В.Я., Бутанаева И.И., 2001, с. 38).

Особого внимания требует рассмотрение */воинского /защитного вооружения/*, которое преимущественно состоит из *панциря* и *шлема*. Необходимо заметить, что для эпоса характерно описание всего комплекса защиты, которое формирует мотив *облачения героя*. В «Ай-Хуучин» наиболее содержательными являются сборы младшей сестры Хан-Миргена. «Чабал сырайлығ Хыс Хан, / Алты-читі айланып, / Тоғыс аастығ хара сундуғын / Ирeп-толғап асхан, / Ходырыбызып, Хыс Хан / Кизер кип сығарған, / Он ікі чарых тас мархалығ, / Тыннығ, ах хуус хуйах полған, / Ай пөрізі саадах пирген, / Чааға чөрзе кизер / Салоолығ пөрік пирген. / Алты айланып, Ай Хуучин, / Кибін кизіп, айланыбысхан, / Ікі нигін кизібіскен – / Он ікі мархазы позы мархалаған, / Ай пөрізі саадағын / Алты сари тартып хурчанған, / Тыннығ полған аның кибі / Хызыл идін үзе тутчатхандағ, / Хыйғанах сөөгін сыстада тут турадыр. / Кип ізиине сыдап полбин, / Хыс кізі Ай Хуучын, / Ізіктең төрге чөріп, / Ырын ырлап турадыр, / Ах иб істін айландырып, / Көөгін көглеп турадыр. / Хуйах кибі ізіп ирткен, / Хыс кізі ырын тохтатхан» – «Страшнолика Хыс-Хан, / Шесть-семь раз повернувшись, / Огромный сундук с девятью замками, / Повернув-покрутив <ключом>, открыла, / Покопавшись, Хыс-Хан / Ей одежду достала, чтобы носить, / С двенадцатью светлокаменными пуговицами / Живой, износа не знающий, белый панцирь, / Очень ворсистый *саадак* дала, / Чтобы на войну надевать, / Шапку с кистью <на макушке> дала. / Шесть раз поворачиваясь, Ай-Хуучин, / Доспехи свои надевая, вертелась, / В два рукава <руки> просунула – / Двенадцать пуговиц застегнулись сами, / Очень ворсистым своим *саадаком*, / Затягиваясь, шесть раз опоясывалась, / Живой ее панцирь, / Кажется, в красное мясо врезался. / Острые кости ее до боли сжимаются. / Не вынося жары в панцире, / Дева Ай-Хуучин, / От дверей до переднего угла вышагивая, / Песню свою напеваает, / Внутри белого дворца прохаживаясь, / Мотив свой тянет. / Панцирь ее перестал нагреваться – / Дева петь перестала» (ст. 2042–2069). Менее распространенное описание защитного комплекса героя, однако, не менее информативное, связано с облачением младшего брата Ай-Хуучин Алтын-Тееком: «Тоғыс хат тоң хуйах / Туңмазына сығарған – / Ир чахсызы Алтын Теек, / Ирeп, толғап, кизібіскен, / Ай пөрізі саадах пирген – / Алты сарып хурчанған, / Чааға чөрзе кизер / Салоолығ пөрік пирген» – «Девятислойный твердый панцирь / Младшему брату своему достала – / Достойнейший из мужей Алтын-Теек, / Развернув, расстегнув <его>, надел на себя. / Очень вор-

систый *саадак* дала – / Шесть раз его вокруг себя он обернул, / С шашаком и кистью дала шлем, / Который на войну надевают» (ст. 5670–5677).

Прежде рассмотрения основных элементов защитного вооружения коснемся очень важной детали, которая не только наличествует в представленных фрагментах, но уже упоминалась в связи с наступательным вооружением, а именно: боевого пояса *саадах*. Фигурирование данной компоненты в различных плоскостях эпической паноплии вполне закономерно. Среди значений *саадах* не только ‘богатырский пояс’ (кстати, в ситуации борьбы героя и антагониста, при которой борющиеся стороны хватают друг друга за пояс, употребляется слово *чага*: «Чага пастаң хаабысханнар» – «За пояса друг друга хватают» (ст. 1397)), но также ‘колчан’ (см. фольк. *ай нөрізі саадах* ‘месяцевидный колчан’) (Хакаско-русский словарь, 2006, с. 418). Семантическая неоднозначность *саадах* не менее красноречива в других тюркских языках: алт., тел., тув., кир. *садақ* ~ *са:дақ* ‘колчан’, ‘налучник’, ‘лук и футляр для лука’, ‘лук со всеми сопутствующими принадлежностями’ (ср. кир. *са:дақ огу* – ‘стрела’). При этом, если Г. Дерфер указывает на монг. *sayadaq* и *qorumsaya* – ‘колчан’, то Г. Рамстедт настаивает на том, что монг. *sagadag* связан с глаголом *saga-* ‘натягивать тетиву лука’ в таком случае *sagadag* – ‘то, что натягивают’ (подр. см.: Этимологический словарь тюркских языков, 2003, с. 140–142). Семантическая неоднозначность *саадах* указывает на целостность рассматриваемой компоненты вооружения, которая состоит из *боевого пояса, налучного чехла и колчана* (что должно учитываться типологией оружейного комплекса).

Прежде чем коснемся рассмотрения эпического панциря, необходимо дополнить представленные выше описания.

Особенного упоминания требует панцирь противника Ай-Хуучин Хыйга-Чичена. «Пөгімі чох Хыйга Чичен / Хызыл торғы хуях киптіг, / Хызыл торғы кискен кибі / Чалын чіли сыбал киледір» – «Неукротимый Хыйга-Чичен / В панцире <с чехлом> из красного шелка, / Красный шелковый чехол, / Как пламя, вьется» (ст. 2452–2455).

На уровне лексики эпическое обозначение панциря *хуях* является общетюркским (ср. алт., тув., шор., *қуйақ*, кир. *қыяқ*, тел. *кујак* и т.д.), семантика которого, однако, им не ограничивается: сюда также относятся ‘кольчуга’, ‘латы’, ‘броня’, ‘доспехи’ и даже ‘щит’. Вместе с тем, примечателен «синоним *қуйақ* – *қуйма* ‘панцирь’, зарегистрированный в туба-диалекте, на основе которого можно выделить корневой элемент обоих слов **қуй* ~ **қун*’. Возможно, тот же корень представлен в тюрк. *қуйқа* ~ **қунқа* ‘кожа, шкура’ (см. як. *қуйақ* ‘кожаный кафтан’,

а также монг. *öbčin?* ‘кожаный панцирь’), но не исключена связь со ср.-тюрк. *qujta* ‘литые изделия’, ибо на кожаный кафтан нашивались железные пластинки, ср. также калм. *xuj^DG* ‘панцирь из металлических колец’» (Этимологический словарь тюркских языков, 2000, с. 112).

Безусловно, по данным эпического текста невозможно точно установить тип панцирной защиты (являются ли представленные панцири нагрудниками, кирасами, катафрактами или панцирями халатного типа). Тем более что покрои корпусного оборонительного вооружения были знакомы уже в период «великого переселения народов», при этом целиком определялись восточноазиатской военной традицией (Горбунов В.В., I, с. 32–64). Однако с некоторой долей вероятности можно предположить, что *белый панцирь* Ай-Хуучин относится к разряду панцирей, изготовленных из железных пластин, тогда как *девятислойный твердый панцирь* Алтын-Теека является доспехом, изготовленным из кожи.

Достаточно любопытен *красный шелковый панцирь* Хыйга-Чичена, исторической аналогией которого, по всей вероятности, может быть *усиленный хатангу де'ель*. Согласно реконструкции М.В. Горелика данный тип доспеха представлял собой халат с нашивкой железных пластин, причем верхняя его часть изготавливалась из дорогих тканей (Горелик М.В., 1987, с. 183). Доспех был создан в VIII в. в качестве парадного военного костюма китайского двора и наибольшее распространение получил на территории Центральной Азии с XIII в.

Помимо панциря в тексте «Ай-Хуучин» упоминается наличие подпанцирной одежды: «Ай Хууцын, хыс чахсызы, / Ах хоос хуйағын суурыбызып, / Істіне кискен чарғах кибін / Хыс палаға пирген, / Изебі чох Хан Мирген / Оолғына ідөх пирген» – «Ай-Хуучин, достойнейшая из дев, / Белый, износа не знающий панцирь сняв, / Нижнюю <свою> тонкую одежду / Девочке отдала. / Могучий Хан-Мерген <свою> / Сыну тоже отдал» (ст. 4813–4818); и даже наличие пуговиц: «Чағаа хазаан мархазы / Салаңнап парыбысхан киледір, / Холтыхха хазаан мархазы / Холбаңнап парыбысхан киледір» – «К вороту пришитая пуговица <богатыря>, / Повиснув, болтается, / К подмышке пришитая пуговица его / Висит, еле держась» (ст. 6282–6284; это устойчивая эпическая формула ср.: ст. 1152–1155).

Однако наибольший интерес представляет эпический *шлем*, *оснащенный забралом*, под которым, по всей вероятности, и подразумевается *pörük* ‘шапка с кистью’ Ай-Хуучин и ‘шлем с шишаком и кистью’ Алтын-Теека. Наличие *шлема* оговаривается также при описании Кюн-Тёнгис-Хана (ст. 328). Во всех других случаях эпос ограничивает-

ся только указанием *забрала*. Ввиду значимости данной компоненты /*воинского* /защитного вооружения/ перечислим все нарративные факты его наличия. Так, Хан Мирген, отправляясь в путь: «Тулағазын туу тартыныбызып, / Тобырычағын хаабынған, / Чар полғанын чайхабысхан, / Чазы пудына хамцы сапхан» – «Забрало свое целиком опустил, / Плеть свою выхватил, / Оскаленную <пасть уздой> рванул, / По бедру <размером> с поле плетью стегнул» (ст. 809–812); «Тулағазын туу тартынып» – «Забрало полностью опустил» (ст. 1601). Точно так же начинается отлучка Ай Хуучин: « Чар полғанын чайхабызарғ, / Тулағазын туу тартыныбысхан, / Чазы парабысхан пудына / Тобырчихнаң сапхан» – «<Готовясь> оскаленную <пасть уздой> рвануть, / Забрало свое полностью опустила, / По бедру с поле – / Плетью ударила» (ст. 4699–4702); и Алтын-Иргек: «Тулағазын туу тартынып» – «Забрало свое опустив» (ст. 6910). Остановка героя в пути, прибытие в назначенное место или возвращение домой всегда сопровождается обратным действием. «Тохтада тартып, ир чахсы, / Тулағазын ацынған, / Аархы сағы сарин / Харап, көр турадыр» – «Достойный муж, коня осадив, / Забрало свое открыл, / В противоположную сторону / Всматриваясь, он видит» (ст. 861–864); « Тулағазын ир чахсы / Ачынып, көр турадыр» – «Достойный муж, забрало свое / Открыв, смотрит» (ст. 1166–1167). Когда Хан Мирген возвращается домой с девой-богатыркой Хыс-Хан, его первой женой: « Аттың ахсын ікі чахсы / Анда тохтада тартханнар, / Тулағаларын азынып, / Аархы сарин көргеннер» – «Двое достойных тогда / Коней за повод дернули, / Забрала свои подняли, / На противоположную сторону посмотрели» (ст. 1719–1722). Алтын-Иргек «Тохтада тартып, Ир чахсызы / Тулағазын ацынған» – «<За повод> подтянув, достойнейший из мужей / Забрало свое поднял» (ст. 6792–6793).

Несмотря на обязательность шлема в составе эпических комплексов вооружений, его археологические обнаружения достаточно немногочисленны. Как правило, боевые головные уборы реконструируются историками по материалам петроглифики и малой пластики. Следуя данным реконструкциям шлемы, указанные в хакасском сказании «Ай-Хуучин», скорее всего, относятся к типу сфероконических. Однако к данному типу относятся как хуннские конические шлемы, которые наряду с сянбьийскими проникают на территории Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху «великого переселения народов» и сохраняют свою значимость вплоть до развитого средневековья (Горбунов В.В., I, с. 65–74), так и позднесредневековые кыргызские шлемы (Худяков Ю.С., 2002, с. 72). При этом, упоминание *забрала* не находит исторических подтверждений (кстати, рассматривая комплекс вооружения *номадов* Южной Сибири позднего средневековья,

Ю.С. Худяков, ссылаясь на материал работы В.Я. Бутанаева, также не приводит соответствующих археологических данных (Худяков Ю.С., 2002, с. 72; Бутанаев В.Я., 1981, с. 189)).

Эпический комплекс вооружения, вместе с тем, включают боевые рукавицы, которые упоминаются (здесь используется собир. *nörük-melley* ‘шапки и рукавицы’) только при описании помощника Хан Миргена, Кюн-Тёнгис-Ханом (ст. 328).

По всей видимости, в качестве самостоятельного раздела эпического вооружения необходимо рассматривать /средства удержания/ *противника*/. В сказании «Ай-Хуучин» Хан-Мирген использует *желтый ремень*; герой применяет его при взятии в пленен девы-богатырки Хан-Хыс, ставшей впоследствии его женой. «Ир палғадаң сарығ хайызын / Ир чахсызы систе тартхан, / Хыс чахсызы Хан Хысты, / Хазырапүге тартып, палғабысхан» – «Желтый ремень, которым мужей связывают / Достоянейший из мужей отвязал, / Достоянейшую из дев Хан-Хыс, / Согнув-перегнув, связал» (ст. 1554–1557). «Алты айланып, ир чахсызы / Ир палғадаң сарығ хайызын / Систіп турадыр. / Прай сииллеп парыбысхан, / Сисчең ондай чох / Пооллап парыбысхан. / Хара чирге түскенце / Хан Мирген сискен, / Хайзы полза чирде / Тістең тейнеп сискен» – «Шесть раз повернувшись, достойнейшей из мужей / Желтый ремень, которым связывают мужей, / Развязывает. / <В тело> весь врезался, / Развязать невозможно, / Перетянут чрезмерно. / До черного пота / Возился Хан-Мирген, / В некоторых местах, / Развязывал, разгрызая зубами» (ст. 1655–1664). Работы военных историков не говорят о наличии средства удержания, что, безусловно, результат известной неполноты дошедших до нас артефактов. Тем не менее, данные героического эпоса всегда необходимо учитывать при интерпретации археологического материала.

Относительно /конской /защиты/, состоящей из *попоны* и *наголовья*, «Ай-Хуучин» не располагает какими-либо данными. Сказание ограничивается только упоминанием снаряжения, которое, тем не менее, не безынтересно. Помимо строго клишированных репрезентаций: «Хан Мирген абаазынаң / Хада-пірге тасхар сыххан, / Ала хула атха / Ат тимі тапханнар» – «Вместе со старшим братом Хан-Мергеном / На улицу вышли, / Для Пего-саврасого коня, / Конское снаряжение нашли» (ст. 2042–2079); «Тоғыс хулас суны / Хан поэраһ аттың / Тоғыс чахсы холлаа / Посхыннап килчатхандағ, / Төске тартхан холлаа / Силтеңнеп парыбысхан киледір» – «У девятисаженного / Кроваво-рыжего коня / Девять крепких подпруг, / Похоже, ослабли, / Подпруга, затянутая под грудью, / Ослабла, болтается» (ст. 1146–1151), текст эпоса располагает любопытным упоминанием сбруи Хыйга-Чичена: «Адының тири чача-

рых тас, / Чарып, палаңнап читкен» – «Конское его снаряжение из светлого камня, / Сверкая, светилось – он приблизился» (ст. 2450–2451).

Нельзя не заметить отличий панοπлии и конского снаряжения Хыйга-Чичена, принадлежащего к лагерю антагонистов, от героического комплекса вооружения. По всей вероятности, эпос воспроизводит историческую коллизию, относимую ко времени монгольских завоеваний.

Представленный выше материал образует комплекс вооружения «Ай-Хуучин». Совершенно очевидно не только то, что компоненты эпической панοπлии соответствуют вооружению номадов Южной Сибири и Центральной Азии, но также то, что текст героической эпики располагает данными, которые могут существенно прояснить историю военного дела кочевников. Кстати, не менее важным источником могут стать представления сказителей, не всегда выраженные в тексте. Так, например, согласно полевым материалам Д.А. Функа, «Для сказителя (В.Е. Таннагашева. – М.Е.) все богатыри разные. Кара-Кан, скажем, видится «темнокожим». Волосы у Кара-ханов не курчавые, прямые, длинные. На голове обязательно шлем. У молодых нет бороды, но с возрастом появляется черная борода. Такие богатыри, как Алтын-Сом, Алтын-Кылыш, кажутся ему «русыми, с курчавинкой». Можно отличить алыпов и по одежде. Кольчуги (куяки из колец) кажутся ему длиною ниже колен, а, скажем, золотые или железные куюки – «чуть ниже пояса»» (Функ Д.А., 2005, с. 347).

С другой стороны, исторические аналогии эпического комплекса вооружения неоднозначны. Военные историки обращаются к материалам героической эпики для реконструкции панοπлии номадов позднего средневековья, что зачастую не совпадает с датировками фольклористов (так, например, сложение «Ай-Хуучин» относится исследователями к периоду до основания кыргызского государства (Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е., 1972, с. 97), при этом комплекс героического вооружения вполне сопоставим с комплексом кыргызского тяжеловооруженного воина XI–XII вв. (см.: Худяков Ю.С., 2003б, с. 142, рис. 26). Это свидетельствует в пользу исторической неоднородности эпического произведения; эпический текст представляет собой *историческую мозаику* (Суразаков С.С., 1985, с. 20), а значит, требует осторожности в поиске конкретных исторических интерпретаций и соответствующих реконструкций.

Библиографический список

1. Алтайские героические сказания: Очи-Бала; Кан-Алтын / Сказители А. Калкин, Т. Чачияков, С. Савдин. Новосибирск, 1997. 668 с.
2. Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 188–197.
3. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор. Абакан, 2001. 148 с.
4. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Барнаул, 2003–2006. Ч. I–II.
5. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 163–208.
6. Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М., 1960. 147 с.
7. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд (пратюркский период). М., 2007. 223 с.
8. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
9. Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл, 2001. 464 с.
10. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. 263 с.
11. Маадай-Кара: алтайский героический эпос / Сказитель А.Г. Калкин. М., 1973. 474 с.
12. Майногашева В.Е. Развитие хакасского эпоса и его поэтика // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986. С. 169–176.
13. Майногашева В.Е. О хакасском героическом эпосе и алыптых нымахе «Ай-Хуучин» // Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. Новосибирск, 1997. С. 11–47.
14. Соенов В.И. Обзор вооружения и военной тактики кочевников Алтая в XIII–XVIII вв. по материалам героического эпоса // Археология и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 176–187.
15. Старостин С.А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. М., 1995. С. 176–315.
16. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М., 1985. 256 с.
17. Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972. 311 с.
18. Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М., 2005. 398 с.
19. Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Сказитель П.В. Курбижеков. Новосибирск, 1997. 479 с.
20. Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006. 1114 с.

21. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.
22. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 190 с.
23. Худяков Ю.С. Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1995. 98 с.
24. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.
25. Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кочевников Южной Сибири позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 65–88.
26. Худяков Ю.С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск, 2003а. 202 с.
27. Худяков Ю.С. Сабля Багыра: вооружение и военное искусство средневековых кочевников. СПб., 2003б. 192 с.
28. Чудояков А.И. Этюды шорского эпоса. Кемерово, 1995. 222 с.
29. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К». Вып. II. М., 2000. 256 с.
30. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М., 2003. 446 с.

А.А. Курапов

*Астраханский государственный технический университет,
г. Астрахань, Россия*

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ БУДДИЗМА В ОТДЕЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Буддизм – древнейшая мировая религия, возникшая в VI–V вв. до н.э. на северо-востоке Индии. Время формирования буддизма – середина первого тысячелетия до н.э., характеризуется как время кризиса древнего индийского общества, древней ведической религиозной системы, идеологическим и социальным противостоянием между жреческим и воинским сословием в древнеиндийском обществе. Район возникновения буддизма – северо-восток Индии, в VI–V вв. до н.э. отличался более слабым распространением ведической религии. Именно здесь происходит бурное государственное строительство, опиравшееся на варну кшатриев (Бонгард-Левин Г.М., 1993, с. 81). К эпохе «первого буддийского императора» Ашоки (273–232 гг. до н.э.) буддизм пере-